

Н.А. Баранов

N. Baranov

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВЫЙ АКТОР СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A NEW ACTOR IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS: CHALLENGES AND PROSPECTS

Аннотация

Цель статьи - выявить перспективы развития искусственного интеллекта (ИИ) в контексте его международного акторства и кооперации международных институтов для противодействия вызовам, связанным с неконтролируемым ростом влияния ИИ. Задачи включают в себя рассмотрение современных критериев акторства в международных отношениях, влияния ИИ на теории международных отношений, проблемы, связанные с безопасностью при внедрении искусственного интеллекта в военных целях, дипломатическую деятельность, а также сотрудничество мирового сообщества в целях конструктивного влияния ИИ на различные сферы жизни, благополучие и права людей. Методы, используемые в работе: контент-анализ, формально-логический анализ, дискурс-анализ, кейс-стади, а также общенаучные методы анализ и синтез. Результаты: в связи с эволюцией критериев акторности в международных отношениях искусственный интеллект приобретает признаки актора по мере своего совершенствования и способности выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно адаптироваться к изменяющимся условиям. Теории международных отношений подвержены влиянию ИИ и должны будут осмыслить его последствия для своих теоретических представлений. Наиболее значимые вызовы связаны с внедрением технологий ИИ в военное дело, в частности для создания смертоносных автономных систем, а также с использованием ИИ для генерирова-

Abstract

The purpose of the article is to identify the prospects for the development of artificial intelligence (AI) in the context of its international leadership and cooperation of international institutions to counter the challenges associated with the uncontrolled growth of AI influence. The tasks include consideration of modern criteria of acting in international relations, the influence of AI on the theory of international relations, problems related to security in the implementation of artificial intelligence for military purposes, diplomatic activities, as well as cooperation of the international community in order to constructively influence AI in various spheres of life, well-being and human rights. The methods used in the work are content analysis, formal logical analysis, discourse analysis, case study, as well as general scientific methods of analysis and synthesis. Results: due to the evolution of actor criteria in international relations, artificial intelligence acquires the characteristics of an actor as it improves and is able to perform various tasks, interact with humans, and adapt independently to changing conditions. International relations theories are influenced by AI and will have to reflect on its implications for their theoretical concepts. The most significant challenges are related to the introduction of AI technologies into the military, in particular to create deadly autonomous systems, as well as using AI to generate misleading or false information about countries and various events, deep-fakes with negative images of politicians, and the creation of fake historical documents. AI regulation issues are the sub-

ния вводящей в заблуждение или ложной информации о странах и различных событиях, дипфейков с негативным образом политиков, создание фальшивых исторических документов. Вопросы регулирования ИИ являются предметом обсуждения международного сообщества. Особенно актуальной является этическая сторона в деятельности ИИ. Выводы: становление ИИ как нового актора может амбивалентно повлиять на сферу международных отношений, с одной стороны, помочь в решении глобальных проблем, реализации Целей устойчивого развития, с другой стороны, привести новые проблемы в международную повестку. Для эффективного контроля за ИИ, выработки общей позиции и этических принципов предпочтительно использовать инициативы ООН, которая служит международной платформой для координации и конструктивного регулирования деятельности в области искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

актор в международных отношениях, генеративный искусственный интеллект, когнитивное оружие, саммиты по искусственному интеллекту, смертоносные автономные системы, цифровая дипломатия.

ject of discussion by the international community. The ethical aspect of AI activities is particularly relevant. Conclusions: the emergence of AI as a new actor can ambiguously influence the sphere of international relations, on the one hand, help solve global problems and achieve Sustainable Development Goals, on the other hand, introduce new problems to the international agenda. To effectively monitor AI, develop a common position and ethical principles, it is preferable to use the initiatives of the United Nations, which serves as an international platform for the coordination and constructive regulation of activities in the field of artificial intelligence.

Key words:

actor in international relations, generative artificial intelligence, cognitive weapons, artificial intelligence summits, deadly autonomous systems, digital diplomacy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-159-179>

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) прочно вошли в нашу жизнь, оказывая существенное влияние как на развитие самого человека, так и на все сферы жизнедеятельности общества, включая международные отношения. С ИИ связываются как возрастание возможностей тех, кто его применяет, так и появление опасностей, когда данная технология используется не во благо, а во вред. С одной стороны, ИИ может персонализировать деятельность обслуживающих человека структур, предотвращать аварии и обеспечивать безопасность на производстве, транспорте и т.д., оптимизировать работу сложных производств и решать рутинные задачи. С другой стороны, ИИ зачастую применяется для манипуляции общественным сознанием, киберпреступлений, создания оружия и ведения боевых действий, что несет угрозу человечеству, а также ведет к сокращению рабочих мест и к отказу от эмоционального общения.

Существуют также проблемы с принятием ИИ как неотъемлемой части нашей жизни. Так американский государственный деятель и эксперт в области международных отношений Г. Киссинджер еще в 2018 году отмечал угрозу, связанную с растущей сложностью и возможностями ИИ, основанного на данных и алгоритмах, не подчиняющихся этическим или философским нормам, задаваясь вопросом: «Что станет с человеческим сознанием, если его собственная объяснительная сила будет превзойдена искусственным интеллектом, и общества больше не смогут интерпретировать мир, в котором они живут, в терминах, которые имеют для них значение?»¹.

Г. Киссинджер полагал, что с философской, интеллектуальной точки зрения человеческое общество не готово к появлению искусственного интеллекта. Такой же точки зрения придерживается Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш, который на Саммите по ИИ в Париже в феврале 2025 года заявил: «Мир не готов к будущему ИИ. Мы, может быть, даже не готовы к настоящему»². Поэтому исследование ИИ с акцентом на минимизацию негативного эффекта его применения является важной задачей как экспертного, так и академического сообщества.

Искусственный интеллект способствует развитию различных сфер жизнедеятельности общества – экономики, социальной сферы, науки, охраны правопорядка, управления и многих других. Одним из важнейших направлений применения новой технологии являются международные отношения и мировая политика, включающие в себя взаимоотношения между государствами, различающимися по своим возможностям и ресурсам, а также деятельность международных организаций для решения мировых проблем. Акторство в международных отношениях предполагает способность субъектов воздействовать на внешнеполитические процессы, влиять на принятие решений в международной системе, а также отстаивать свои интересы. В связи с изменениями в системе международного взаимодействия, появлением новых субъектов, не традиционных по природе воздействия, и возникновением новых форм власти и влияния акторство, как и субъектность приобретают новый смысл. Искусственный интеллект, не обладая пока самостоятельными возможностями для акторских функций, в частности, для реализации собственных интересов на международной арене, тем не менее потенциально может такие возможности приобрести. Недаром авторы книги «Искусственный разум и новая эра человечества» отмечают, что воздей-

¹ Kissinger, H. (June 2018) How the Enlightenment Ends. The Atlantic. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/06/henry-kissinger-ai-could-mean-the-end-of-human-history/559124/>.

² Генеральный секретарь ООН в Париже: «Мы не готовы к будущему ИИ». (2025) ООН. <https://news.un.org/ru/story/2025/02/1461211>.

ствие ИИ на все сферы жизни будет прорывным, полагая, что «нас ждут такие изменения человеческой идентичности и человеческого восприятия реальности, каких в современном мире еще не случилось» (Киссинджер, с. 10).

Поэтому целью статьи является выявление перспектив развития искусственного интеллекта в контексте его международного акторства и кооперации международных институтов для противодействия вызовам, связанным с неконтролируемым ростом влияния ИИ. В работе рассматриваются современные критерии акторства в международных отношениях, влияние ИИ на международную деятельность как в теоретическом плане, в частности, на теории международных отношений, так и в практическом, например, на проблемы, связанные с безопасностью при внедрении искусственного интеллекта в военных целях, дипломатическую деятельность, а также сотрудничество мирового сообщества в целях конструктивного влияния ИИ на различные сферы жизни, благополучие и права людей.

Для изучения ИИ в статье был применен метод контент-анализа официальных документов в целях выявления восприятия искусственного интеллекта в международной политике, формально-логический анализ для сопоставления правового статуса ИИ в различных юрисдикциях, а также разработки подходов к его международному регулированию, кейс-стади для изучения функционирования инструментов ИИ в дипломатической деятельности, дискурс-анализ для выявления влияния СМИ и официальных документов на конструирование образа ИИ.

Общенаучные методы анализ и синтез применены для выделения сущности явления акторства ИИ, определения его характеристик как субъекта/актора международных отношений и последующего объединения этих характеристик в целостную картину воздействия.

Акторство в международных отношениях

Классические теории международных отношений объясняют происхождение, природу и функции акторов на мировой арене. Так реализм исходит из приоритетности политических интересов национальных государств, как главных акторов на международной арене. Основой взаимодействия между государствами с точки зрения реалистов является баланс сил, причем сила играет конструктивную роль в международных отношениях (Carr, 1946). Либеральная теория включает в круг акторов международные организации, транснациональные корпорации и неправительственные организации, признает важность норм, институтов и экономических связей в международной практике (Keohane & Nye).

Постклассические теории смещают акцент в акторстве к нормам, идентичности, социальным практикам и дискурсам. Конструктивисты предполагают, что мир существует в сознании людей, а не является объективной реальностью. Они утверждают, что мир, в сущности, представляет собой набор социальных конструкций, в которых наибольшую значимость приобретают социальные нормы и идентичности в конструировании международной политики и формировании внешней политики (Wendt, 1992; Wendt, 1999). Согласно теории глобальных городов, мегаполисы и города-регионы концентрируют инновации и капитал, выступают центральным компонентом глобальных экономических процессов, создают транснациональные связи, являясь узлами глобальных сетей (Хомякова; Pain). А постмодернисты ставят под сомнение традиционные взгляды на политику и международные отношения, акцентируя внимание на анализе дискурсов, языковых практик и символов как ключевых элементов формирования мировой политики, отдавая приоритет роли субъективности и контекста в понимании международных процессов (Филиппов; Ashley; Walker). Акторами постмодернисты считают децентрализованные сети, которые могут выступать в виде цифровых сообществ или хакерских групп, и выступают за распад традиционных иерархий.

Происходит стирание границ между государственным и частным, поэтому появляются новые акторы международных отношений, такие как частные военные компании, террористические сети, экстремистские организации. Наблюдается также тенденция смещения акторности от государств к цифровым сущностям (Никипорец-Такигава). В контексте всеохватывающей цифровизации общества представители цифрового акторного подхода выделяют таких субъектов как искусственный интеллект, цифровые платформы, киберсистемы, полагая, что алгоритмы влияют на решения (Kremer & Müller). В качестве критериев акторности начинают выступать ресурсы, автономность или способность действовать независимо, а также легитимность со стороны внешних участников международных отношений.

Таким образом, с одной стороны, технологии ИИ становятся областью международной конкуренции. Технологическое лидерство в области искусственного интеллекта может позволить государствам достичь значимых результатов по основным направлениям социально-экономического развития. Как отмечают эксперты, «цифровые технологии постепенно заполняют ту нишу, которую традиционно в эпоху биполярности занимало ядерное оружие – как ключевой стратегический инструмент, одинаково важный для военного лидерства, экономического развития и глобального престижа». А «государства, сформировавшие свои суверенные технологические плат-

формы, становятся участниками престижного закрытого клуба, похожего на ядерный» (Безруков). В данном контексте становится объективной необходимостью самодостаточность и конкурентоспособность страны в создании цифровых платформ с алгоритмами искусственного интеллекта¹. С другой стороны, искусственный интеллект приобретает признаки акторности по мере своего совершенствования и способности выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно адаптироваться к изменяющимся условиям.

Под искусственным интеллектом в работе понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их².

Влияние искусственного интеллекта на теории международных отношений

Теории международных отношений играют ведущую роль в понимании и объяснении международно-политической реальности, выявлении приоритетных аспектов в выстраивании международных отношений, выработке рекомендаций по поиску оптимального пути мирового развития. В качестве ведущих теорий международных отношений выступают реализм и неореализм, либеральный идеализм, неомарксизм и критические теории, конструктивизм, постмодернизм и некоторые другие. Каждая из теорий выделяет основных акторов международных отношений, определяет цели и пути их достижения. Актуальность теории международных отношений зависит от способности теоретиков предсказывать или хотя бы понимать знаковые события любой эпохи (Hoffmann, p. 37), включающие в том числе кардинальные научно-технологические достижения, такие как интернет или искусственный интеллект, которые приводят к социальным изменениям.

В рамках реализма и неореализма технологические новации рассматриваются в контексте национальной безопасности государств и дополнительных ресурсов власти на международной арене. Поэтому с учетом широкого распространения технологий ИИ возникает вопрос: изменит ли фундаментально текущий баланс сил внедрение искусственного интеллекта как высокотехнологичного ресурса государства?

¹ Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. Официальный сайт Президента России. <http://kremlin.ru/acts/bank/50431>.

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 №124). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>.

Ведущие государства рассматривают ИИ как мощный инструмент для получения геостратегического преимущества. Так в 2020 году в США была создана Национальная комиссия по безопасности в области искусственного интеллекта для изучения его влияния на безопасность страны. В итоговом отчете комиссии отмечается, что США не готовы самостоятельно без союзников конкурировать в эпоху ИИ (Schmidt, p. 7), что подтверждает следование реалистической концепции баланса сил. Исследования в контексте влияния ИИ на реализацию национальных интересов и суверенитет государства показывают, что государства вынуждены тесно сотрудничать с высокотехнологичным бизнесом, академическим сообществом, гражданскими структурами для скоординированной деятельности и создания конкурентных преимуществ в данной сфере.

В контексте реалистической парадигмы исследователи отмечают также влияние ИИ на характер ведения войн, а также на осмысление своей деятельности в продвижении правил, касающихся ИИ, либо на условиях ведущих корпораций и неправительственных акторов, либо на условиях стран, устанавливающих универсальные нормы этики, направленные на разработку и управление ИИ в мировом масштабе (Ndzendze, p. 69-70).

Либеральная теория международных отношений основывается на достижении мира через экономическую взаимозависимость в условиях свободного рынка и следование либеральным ценностям и демократическим правилам в международных отношениях. Однако ИИ нарушает идею свободного рынка, который, по мнению современных исследователей, стал сегментированным и индивидуализированным (Marwala). Крупные IT-компании навязывают свои правила, а также наряду с государственными структурами вторгаются в частную жизнь человека и ограничивают его свободы в большей степени, чем когда-либо в мирное время. Следствием такой тенденции стал «технологический авторитаризм», характерный для большинства демократических государств. Исследователи отмечают такую тенденцию: чем шире распространяются технологии ИИ, тем меньше стран квалифицируются как свободные общества¹. Попытки стран либеральной демократии не допустить на свой рынок перспективные технологии из недемократических государств сделает эти демократии менее либеральными, а также менее демократичными, поскольку им придется препятствовать осуществлению прав своих граждан на потребление и приобретение технологий.

¹ Ndzendze B., Marwala T. (2021, January 28) Liberal thought has a place in the era of artificial intelligence, Thought Leader, <https://thoughtleader.co.za/liberal-thought-has-a-place-in-the-era-of-artificial-intelligence/>.

Теория гегемонистской стабильности утверждает, что возникновение единственной сверхдержавы сопровождается устойчивым миром и всеобщим экономическим развитием. Американский политолог Дж. Миршаймер отмечает, что власть является единственной «валютой» международной политики: «В системе, где нет высшего авторитета, который стоит над великими державами, и где нет гарантии, что кто-то не нападет на другого, имеет вполне разумный смысл, чтобы каждое государство было достаточно мощным, чтобы защитить себя в случае, если на него нападут» (Mearsheimer, p. 77-78). При такой логике конечной целью государства должна быть гегемония, потому что это единственный способ гарантировать свое выживание.

Гегемония основывается на двух основных детерминантах: военной и экономической силе. Обе составляющие в решающей степени зависят от развития технологий ИИ. Поэтому у ведущих стран возникает потребность стать ИИ-гегемоном в целях обеспечения собственной безопасности и навязывания своих правил другим международным акторам. В то же время технологическое развитие других государств, сопоставимое с гегемоном, приводит к снижению перспектив конфликта в соответствующих сферах влияния. Таким образом, стабильный международный порядок может быть достигнут через оптимальное распределение власти в сфере искусственного интеллекта.

Теории зависимости в международных отношениях исходят из экономического неравенства, основанного на функционировании международной системы как интегрированной капиталистической системы, состоящей из развитых и отсталых стран (центра и периферии). Экономическое развитие периферийных стран ограничено из-за неравных отношений с развитыми странами. Транснациональные корпорации усиливают зависимость развивающихся стран из-за ограничений в доступе к высоким технологиям, в том числе ИИ. Высокотехнологичные страны, в отличие от периферийных, имеют высокие показатели иностранных прямых инвестиций, поскольку у них высокий уровень инноваций. Теория зависимости объясняет характер разделения труда и модели зависимости на фоне повсеместного распространения ИИ в промышленности и производственных секторах. Так исследователи полагают, что в сложившихся условиях число стран, классифицируемых как периферийные, будет увеличиваться, а число развитых стран будет сокращаться.

Близкая к конструктивизму теория социального конструирования технологий, исходит из максимы - технологические объекты развиваются и воспринимаются в зависимости от социальной среды (Bijker), становясь все более интегрированными в общество. При этом социальный контроль над технологией ослабевает, и она начинает оказывать самостоятельное влияние на

различные сферы жизни. Роль ИИ в данной интерпретации определяется различными акторами, которые ставят перед собой определенные цели, например решение глобальных проблем или усиление контроля за контентом в интернете («Великий китайский файрвол»). Значение ИИ определяется социальными практиками, дискурсами и контекстом применения, а не исходными намерениями разработчиков. Таким образом, теория социального конструирования технологий «объясняет взаимосвязь между технологией и обществом, показывая, что технологии являются динамичными элементами, чье значение формируется через взаимодействие с пользователями, социальными группами и политическими структурами» (Новые, с. 29).

Критические теории формулируются исходя из сознательного критического анализа определенного социального устройств, его последствий и результатов. Они оспаривают господствующий мировой порядок, ставят под сомнение легитимность политических и социальных институтов и изменения, которые они претерпевают с течением времени. Их относят к марксистской школе в теории международных отношений, так как они основаны на идее технологического детерминизма, предполагающей, что технологический прогресс неизбежно ведет к социальным изменениям. Теоретики Франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно ставят под сомнение данное положение, полагая, что технологии могут не преодолевать угнетение, а наоборот, усиливать его. С их точки зрения, технологии не только формируют современность, но и создают новые уровни рационализированного подчинения, проникая во все аспекты социальной и политической жизни (Adorno; Horkheimer).

Критическая теория технологий акцентирует внимание на том, как технологии встроены в структуры власти и возникающие неравенства, например, связанные с доступностью искусственного интеллекта. Как справедливо отмечают исследователи, технологический подъем часто служит интересам доминирующих групп, укрепляя существующие социальные порядки. В то же время теория также признает потенциал технологий для социальных преобразований, если направление их развития будет переосмыслено и изменено (Новые, с. 34).

Таким образом, практически все теории международных отношений подвержены влиянию ИИ и должны будут осмыслить его последствия для своих теоретических представлений. ИИ может быть полезен для моделирования, прогнозирования и воспроизводства событий, исходя из предпочтений тех или иных теорий. В результате сгенерированные искусственным интеллектом показатели с течением времени могут стать нормой в международных отношениях.

Проблемы безопасности при внедрении искусственного интеллекта в военных целях

Наряду с позитивным вкладом систем ИИ в социально-политическое развитие человечества, как и все прорывные технологии, ИИ несет в себе вызовы и угрозы для национальной и международной безопасности. Так, например, системы ИИ активно используются западными странами для сдерживания России, навязывания ей своих алгоритмов. В процессе тестирования моделей ИИ, созданного на Западе, оказалось, что они не являются политически нейтральными и воспроизводят политические взгляды своих создателей, чаще всего леволиберального толка¹. Как отмечает М. Джуркович, «западные системы ИИ встраивают в свои алгоритмы идеологические, политические и геополитические позиции и что каждое крупное государство, которое имеет для этого силы и возможности, создаёт свою собственную систему ИИ и стремится суверенно её контролировать, побуждая своих граждан использовать именно её»².

Учитывая, что западные страны активно вовлекают технологии ИИ в гибридную войну против России, внедряя его в политико-дипломатическую, экономическую, военную и информационную сферы, включая когнитивное (поражает сознание) и ментальное (разрушает устоявшееся мировоззрение) оружие. Поэтому одной из целей государственной политики обеспечения информационной безопасности заявлено применение передовых технологий, включая технологии искусственного интеллекта и квантовые вычисления.

Высокую опасность представляет внедрение систем ИИ в военную сферу, так как он выходит за рамки человеческого понимания. Способность ИИ к автономии и логике создает не только потенциальную пользу, но и колоссальную неопределенность. В том случае, когда искусственному интеллекту передают функции командования и управления, может произойти эскалация военного конфликта до экзистенциальных масштабов. У ИИ нет моральных и этических ограничений, для него существуют только предоставленные цели и задачи. Так смертоносные автономные системы, управляемые ИИ, способны идентифицировать цели и поражать их без участия человека, выявлять модели поведения противника и рекомендовать методы противодействия им, передавать критически важную информацию военнотру-

¹ Владимир Путин принял участие в XXI Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». (2024) Стенограмма пленарной сессии. <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-prinyal-uchastie-v-xxi-zasedanii-kluba-valdai/>.

² Джуркович М. (2024) Проблемы регулирования искусственного интеллекта. Международный дискуссионный клуб «Валдай». <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/problems-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta/>

жащим в кризисных зонах, обеспечивая таким образом успех операций. Для политиков, принимающих решения, возможность осуществления агрессии без риска для жизни военных является принципиально важной, так как снижает негативную политическую реакцию как внутри страны, так и на международной арене.

Исследователи полагают, что внедрение нечеловеческого мышления в военные системы и процессы изменит стратегию. Получив контроль над кибернетическими или физическими системами вооружений, ИИ сможет успешно выполнять функции, которые сложно реализовывать людям. Переход к системам вооружений с поддержкой ИИ означает зависимость от интеллекта с огромным аналитическим потенциалом и принципиально иным мышлением, основанным на его собственном опыте. Причем по мере включенности ИИ в выработку концептуальных и аналитических аспектов стратегии, недоступных человеческому разуму, менее понятными для человека будут его процессы, влияние и результаты деятельности (Киссинджер, с. 132-138).

Усугубляет ситуацию с непредсказуемостью использования ИИ в военных целях высокая заинтересованность в его возможностях агрессивных военных структур. Так, например, 21 октября 2021 года министры обороны стран НАТО согласовали первую в истории НАТО стратегию по искусственному интеллекту, в которой заявлено об интеграции ИИ в программу реализации трёх основных задач: коллективной обороны, урегулирования кризисов и обеспечения безопасности на основе сотрудничества. Использование ИИ предполагается осуществлять в соответствии с трансатлантическими ценностями, нормами и международным правом¹. 10 июля 2024 года стратегия была обновлена. В частности, в ней заявлен расширенный спектр вариантов использования искусственного интеллекта и актуализированы особые требования к развитию потенциала НАТО в соответствии с целями цифровой трансформации².

Наиболее активно технологии ИИ коллективный Запад использует в когнитивном оружии: «для изменения когнитивных процессов у противника, умственных предубеждений или рефлексивного мышления, а также для провоцирования искажений мышления, негативного влияния на принятие решений как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях»³.

¹ Summary of the NATO Artificial Intelligence Strategy. (2021) NATO. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_187617.htm.

² Summary of NATO's revised Artificial Intelligence (AI) strategy. (2024) https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227237.htm.

³ Смирнов А.И., Исаева Т.В. (2023) Международная безопасность: вызовы и угрозы технологий искусственного интеллекта. Международная жизнь. <https://interaffairs.ru/news/show/40904>.

По мнению экспертов, мы можем оказаться перед выбором между получением выгоды от технологических инноваций и борьбой с угрозами систем ИИ (Международная, с. 130). Поэтому представляется критически важным объединить эти альтернативы в международно-правовом формате, причем это важно сделать до того, как ИИ окажется способным нарушить созданные человеком соглашения (Киссинджер, с. 147).

ИИ как инструмент дипломатии

Несмотря на специфичность дипломатической деятельности, технологии ИИ широко применяются в различных целях. Инструменты искусственного интеллекта могут анализировать огромные объемы текста для выявления международных тенденций, осуществлять юридический анализ документов, облегчать коммуникации, связанные с языковыми барьерами. Дипломат, использующий возможности ИИ, лучше информирован и более эффективен. ИИ не заменит человеческую дипломатию, но повысит ее значимость.

Отечественные ученые посвящают свои работы трансформации дипломатической практики под влиянием технологии ИИ, анализируют новые цифровые инструменты дипломатии, такие как дипломатия видеоигр и метавселенных. Авторы справедливо отмечают, что «цифровые технологии и развитие искусственного интеллекта рассматриваются в качестве ключевого фактора силы, престижа, экономического роста и безопасности государств», а «цифровая дипломатия великих держав, прежде всего, ориентирована на укрепление своего положения в международной системе, понимаемого в категориях киберсилы» («Цифра», с. 64).

Тем не менее, возникают сложности в применении ИИ из-за специфичности дипломатической деятельности. Так дипломатический язык отличается от обычного метафоричностью, символичностью, глубоким смыслом, заложенным, казалось бы, в обычные ритуальные фразы. Поэтому возникает вопрос: сможет ли ИИ расшифровать нюансы дипломатической речи? Швейцарско-мальтийский некоммерческий фонд цифровой внешней политики DiploFoundation, предпринимая попытку соединить дипломатию с технологиями, обеспечить обучение и инновационные решения для дипломатов и политиков¹, провел исследование о взаимодействии лингвистики, ИИ и дипломатии. Выяснилось, что сложность для ИИ представляет контекстуальность дипломатического языка; элемент «недосказанности», который способен нести важные сообщения; конструктивная двусмысленность, не воспринимаемая современным ИИ; скрытые различия в аналогиях; ключевые, но

¹ About us. (2025) Diplo. URL: <https://www.diplomacy.edu/about-us/>.

скрытые фразы, содержащие ключ к пониманию соглашения; тонкий баланс между уступками и выгодами. По мере развития технологий становится очевидным прогресс для ИИ в понимании языка и мира дипломатии¹.

Генеративный ИИ способен автоматизировать творчество и генерировать идеи на основе больших данных². ИИ активно используется для информационной поддержки принятых решений, составления проектов дипломатических документов, подготовки текста выступлений, перевода, переписки и переговоров, анализа событий, прогнозирования. ИИ позволяет автоматизировать повседневную дипломатическую работу по переговорам между странами, оперативно анализировать информацию, например, о том, как та или иная страна представляется в зарубежных официальных и оппозиционных средствах массовой информации, проследить изменения в приоритетах политики других стран, а также международных организаций, выявлять на начальном этапе трансформацию общественного мнения за рубежом, анализировать огромное количество данных перед проведением переговоров. Появились также инструменты по автоматизации предоставления консульской помощи.

Возможности генеративного ИИ позволяют изучать дипломатические уроки прошлого для применения их к текущим событиям для поиска эффективных стратегий в достижении намеченных целей. ИИ используется для моделирования сценариев на основе различных стратегий ведения переговоров. Например, ИИ активно используются в Китае для проработки дипломатами сценариев развития событий на международной арене, а также в рамках экономической дипломатии применительно к торговым переговорам³.

Арсенал применения ИИ в дипломатической практике постоянно расширяется, что свидетельствует о необходимости внедрять данную технологию в дипломатическую жизнь.

В то же время необходимо обратить внимание на использование ИИ в неконструктивных целях: генерирование вводящей в заблуждение или ложной информации о странах, событиях или политиках; создание фальшивых

¹ AI Diplomacy. (2025) HumAInism. <https://humainism.ai/ai-diplomacy/>.

² Генеративный искусственный интеллект – это технология ИИ, создающая новый контент (текст, изображения, музыку и т.д.) через алгоритмы, обученные на существующих данных. В отличие от традиционного ИИ, анализирующего информацию, он генерирует оригинальные выходные данные, имитируя человеческое творчество и позволяя создавать новые, уникальные и реалистичные данные в различных сферах.

³ Лисоволик, Я. (2020) Искусственный интеллект в международных отношениях: эпоха «цифровой дипломатии». Международный дискуссионный клуб «Валдай». https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/iskusstvennyy-intellekt-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyah/?sphrase_id=772088.

исторических документов, дипфейков с негативным образом политиков; предоставление негативной информации о стране путем наводящих вопросов. При сравнении ответов на одинаковые вопросы, заданные чат-боту и дипломату, не исключено, что общественность больше будет доверять ИИ, а не реальному человеку. Не случайно исследователи полагают, что «легитимность ИИ со временем возрастает» (Korneeva). Возникающая альтернативная реальность налагает на дипломатических работников дополнительную ответственность за качество своей работы и убедительность доводов, подтверждающих высокий профессионализм дипломатов.

В условиях, когда научно-технический потенциал превращается в ключевое конкурентное преимущество в борьбе за лидерство на международной арене, значимость ИИ в сфере международных отношений и дипломатии будет только возрастать. В то же время несмотря на конкуренцию, перед дипломатами стоит не менее важная задача - выработать глобальный консенсус по вопросам управления искусственным интеллектом.

Искусственный интеллект как тема международного сотрудничества

Вопрос регулирования ИИ уже находится в повестке дня международного сообщества. Так, начиная с 2023 года, проводятся саммиты по ИИ, которые стали ключевыми площадками для обсуждения глобального регулирования, этических норм и технологического развития, связанных с инновационными технологиями. На саммите в Париже 10-11 февраля 2025 года были предприняты усилия для создания научных основ, решений и стандартов для более устойчивого развития ИИ, работающего на благо коллективного прогресса и общественных интересов¹.

В рамках саммита была принята декларация «Об инклюзивном и устойчивом искусственном интеллекте», основные положения которой включают преодоление цифрового разрыва через доступность ИИ, обеспечение открытого, инклюзивного, прозрачного, этичного и безопасного ИИ, соответствующего международным нормам, поддержку инноваций и предотвращение монополизации рынка для стимулирования промышленного роста, создание устойчивого ИИ, который способствует развитию труда и рынков, обеспечение устойчивости ИИ для людей и планеты, включая экологические

¹ AI Action Summit (10 & 11 February 2025). Ministry for Europe and Foreign Affairs. <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/digital-diplomacy/news/article/ai-action-summit-10-11-feb-2025>.

аспекты, международное сотрудничество в вопросах управления ИИ¹. Конкретные инициативы, направленные на реализацию поставленных задач, включают запуск крупных платформ и инкубатора ИИ в интересах общества, создание доверительной экосистемы ИИ, обмен знаниями для стимулирования инвестиций в устойчивые системы ИИ, создание сети обсерваторий для прогнозирования влияния ИИ на рабочие места, обучение и образование, признание важности инклюзивного многостороннего диалога и сотрудничества по вопросам управления ИИ, предложение начать глобальный диалог по вопросам управления ИИ.

26 октября 2023 года Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш объявил об учреждении Консультативного органа высокого уровня по ИИ, занимающегося вопросами рисков, возможностей и международного управления в сфере ИИ². Учитывая стремительное развитие технологий, кардинально изменяющих нашу жизнь, Организация Объединенных Наций стала принимать решения, направленные на конструктивное влияние ИИ в различных сферах жизни. Так в марте 2024 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята первая резолюция об ИИ «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития», предложенная США. Согласно резолюции, системы ИИ в невоенной сфере должны быть безопасными, защищенными и надежными и способствовать достижению Целей устойчивого развития³.

22 сентября 2024 года Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию «Пакт во имя будущего», включающую в себя Глобальный цифровой договор, в котором признается «необходимость сбалансированного, инклюзивного и основанного на оценке рисков подхода к управлению искусственным интеллектом при полном и равном представительстве всех стран, особенно развивающихся, и полноценном участии всех заинтересованных сторон»⁴. В договоре поставлена задача дать оценку «связанных с системами искусственного интеллекта потенциальных последствий, возможностей и рисков для устойчивого развития, благополучия и прав людей». При этом акцентируется внимание на необходимости международного сотрудничества как для координации действий по обеспечению совместимости систем

¹ Statement on Inclusive and Sustainable Artificial Intelligence for People and the Planet. (2025) Elysee. <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2025/02/11/statement-on-inclusive-and-sustainable-artificial-intelligence-for-people-and-the-planet>.

² Press release. (2025) Консультативный орган по искусственному интеллекту ООН. https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/231025_press-release-aiab.pdf.

³ Governing AI for Humanity. (September 2024). https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_en.pdf

⁴ Пакт во имя будущего. (2024) Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 22 сентября 2024 года. <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1>.

управления ИИ, так и для предоставления передовых технологий развивающимся государствам.

В августе 2024 года в ЕС вступил в действие первый в мире всеобъемлющий закон об ИИ, целью которого является «улучшение функционирования внутреннего рынка и содействие внедрению ориентированного на человека и заслуживающего доверия искусственного интеллекта»¹. Закон выделяет четыре категории систем ИИ: с ограниченным, неприемлемым и высоким рисками, а также генерирующие системы (нейросети). Для каждой из категорий предусмотрены ограничения и условия их применения. Так, например, контент, созданный или измененный с помощью искусственного интеллекта, должен быть четко обозначен как созданный искусственным интеллектом, что является обязательным условием его размещения в публичном доступе. Регламент определяет участников процесса создания, внедрения, эксплуатации и контроля за использованием систем и моделей искусственного интеллекта, а также устанавливает их обязанности и полномочия, в том числе права и обязанности национальных и наднациональных органов власти².

Этическая сторона в деятельности ИИ становится приоритетной и на национальном уровне. Многие страны разработали национальные стратегии по развитию ИИ, в большинстве из которых имеются разделы по этическим принципам его разработки и использования³. Например, в 2021 году в Китае разработан «Этический кодекс ИИ нового поколения», формулирующий шесть принципов: повышение благосостояния человека, содействие справедливости, обеспечение безопасности, обеспечение управляемости и достоверности данных, обеспечение ответственности и повышение этической грамотности⁴.

О сложных и неоднозначных этических аспектах взаимодействия человека и искусственного интеллекта, о том, как сочетаются друг с другом традиции и прогресс говорил на пленарной сессии XXI Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» В.В. Путин. В частно-

¹ Regulation (EU) 2024/1689 of the European parliament and of the council of 13 June 2024. (2024) Official Journal of the European Union. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng>.

² Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте. (2024) Анализ основных положений и принципов регулирования. Москва: АНО «Цифровая экономика», С. 5.

³ Помозова, Н., Литвак Н. (2025) Этика искусственного интеллекта как область международной конкуренции культур. Международный дискуссионный клуб «Валдай». https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/etika-iskusstvennogo-intellekta/?sphrase_id=772088.

⁴ Этический кодекс искусственного интеллекта нового поколения. (2021) Министерство науки и технологий КНР. https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html.

сти, речь шла о платформах, создаваемых за рубежом и формирующих мировоззрение¹.

Проблемы искусственного интеллекта рассматриваются в рамках таких международных объединений, как «Большая двадцатка», БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС (Выходец). Исследователи выделяют важные черты технологий искусственного интеллекта на международном уровне: «транспарентность, доверие, безопасность, надежность, подотчетность, человекоориентированность», при этом перечисленные характеристики, кроме Евросоюза, не стандартизированы, отсутствуют их четкие определения (Новые, с. 242).

Таким образом, тема ИИ является востребованной как на широком международном, так и на национальном уровне в связи с вызовами и угрозами, которые возникают вследствие его повсеместного использования.

Технологии искусственного интеллекта кардинально меняют нашу жизнь. Недаром ИИ по своей значимости сопоставляют с развитием книгопечатания в XV веке. Несмотря на то, что искусственный интеллект создан человеком, у него появляется своя логика, отличная от человеческой. С помощью ИИ человечество уже решает важнейшие задачи в различных сферах жизни – медицине, науке, образовании, однако постоянно расширяется перечень негативного воздействия технологий ИИ, приносящего вред людям.

Перспективы развития ИИ связаны с возможностью расширения нашего понимания объективной реальности, выходящего за пределы традиционных алгоритмов. Сфера международных отношений является очень чувствительной для человечества, так как связана с войной и миром, конфликтами между странами и народами, налаживанием конструктивных контактов между государствами, решением мировых проблем, таких как экологическая, продовольственная, обеспечение безопасности. Появление нового актора может кардинально поменять ситуацию, помочь в решении глобальных проблем, реализации Целей устойчивого развития, а также привнести новые проблемы в международную повестку.

В связи с эволюцией критериев акторства все чаще исследователи полагают, что искусственный интеллект либо уже стал таковым, либо это произойдет в ближайшее время. Технологии ИИ влияют на формирование международных отношений явным образом через принятие государственных решений, имеющих транснациональный характер, и неявным образом, через прогнозирование рисков государственными и негосударственными акторами,

¹ Владимир Путин принял участие в XXI Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». (2024) Стенограмма пленарной сессии. <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-prinyal-uchastie-v-xxi-zasedanii-kluba-valdai/>.

а также через установление определенных правил ИТ-компаниями в коммуникационных ресурсах.

В целях минимизации негативного влияния ИИ на различные сферы деятельности международное сообщество предпринимает меры для формирования общих правил, в частности этических, способных поставить под контроль человека наиболее уязвимые сферы взаимодействия. Однако различия в подходах к регулированию ИИ, существующие между ведущими странами, не позволяют прийти к согласованным результатам, что свидетельствует о необходимости более тесного международного взаимодействия. Наиболее предпочтительными является инициативы в рамках ООН, которая уже предпринимает важные шаги для скоординированной деятельности международного сообщества.

Искусственный интеллект является частью нашей жизни, поэтому в интересах человечества направить его деятельность в конструктивное русло. Людям необходимо понять и принять искусственный интеллект, в то же время, не передоверяя ему важнейшие направления деятельности, а используя его возможности для эффективного и согласованного решения возникающих проблем.

Литература

- Adorno, T. W., & Horkheimer, M. (1997). *Dialectic of enlightenment*. Verso.
- Ashley, R. (1989). Living on border lines: Man, poststructuralism, and war. In J. Der Derian & M. J. Shapiro (Eds.), *International/intertextual relations: The boundaries of knowledge and practice in world politics* (pp. 259–321). Lexington Books.
- Bijker, W. E., & Pinch, T. J. (1984). The social construction of facts and artifacts: Or how the sociology of science and the sociology of technology might benefit each other. *Social Studies of Science*, 14(3), 399–441.
- Carr, E. H. (1946). *The twenty years' crisis 1919–1939: An introduction to the study of international relations*. Macmillan.
- Hoffmann, M. J. (2003). Constructing a complex world: The frontiers of international relations theory and foreign policymaking. *Asian Journal of Political Science*, 11(2), 37–57. <https://doi.org/10.1080/02185370308434229>.
- Horkheimer, M. (1975). *Critical theory: Selected essays*. The Seabury Press.
- Keohane, R. O., & Nye, J. S. (Eds.). (1972). *Transnational relations and world politics*. Harvard University Press.
- Korneeva, E., Salge, T. O., Teubner, T., & Antons, D. (2023). Tracing the legitimacy of artificial intelligence: A longitudinal analysis of media discourse. *Technological Forecasting and Social Change*, 192, 122567. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122567>.

Kremer, J.-F., & Müller, B. (Eds.). (2016). *Cyberspace and international relations*. Springer.

Marwala, T., & Hurwitz, E. (2017). *Artificial intelligence and economic theories: Skynet in the market*. Springer.

Mearsheimer, J. (2013). Structural realism. In T. Dunne, M. Kurki, & S. Smith (Eds.), *International relations theories: Discipline and diversity* (3rd ed., pp. 77–93). Oxford University Press.

Ndzendze, B., & Marwala, T. (2023). *Artificial intelligence and international relations theories*. Palgrave Macmillan.

Pain, K. (2017). World cities. In D. Richardson, N. Castree, M. F. Goodchild, A. Kobayashi, W. Liu, & R. A. Marston (Eds.), *The international encyclopedia of geography: People, the earth, environment, and technology*. Wiley Blackwell.

Schmidt, E., Work, R., Catz, S., Collins, K., Darby, J., Ford, K., Joshi, A., Liddell, M., Lynn, M., McKeon, B., Moore, M., Murray, R., Neuhauser, A., Ramos, G., Roper, A., Safavian, M., Sito, P., Traficante, D., Allen, J. (2020). *Final report: National security commission on artificial intelligence*. National Security Commission on Artificial Intelligence. <https://www.nscai.gov/wp-content/uploads/2021/03/Full-Report-Digital-1.pdf>.

Shneiderman, B. (2022). *Human-centered AI*. Oxford University Press.

Walker, R. B. J. (1992). *Inside/outside: International relations as political theory*. Cambridge University Press.

Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, 46(2), 391–425.

Wendt, A. (1999). *Social theory of international politics*. Cambridge University Press.

Выходец, Р. С. (2022). Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 16(3), 106–117.

Киссинджер, Г. А. (2022). *Искусственный разум и новая эра человечества* (К. Ахметов, Пер.). Альпина ПРО.

Лебедева, М. М., & Зиновьева, Е. С. (Ред.). (2025). *Новые технологии в мировой политике*. Аспект Пресс.

Международная безопасность в эпоху искусственного интеллекта. (2024). В двух томах. Том 1. В М. В. Захаровой & А. И. Смирнова (Ред.). Аспект Пресс.

Никипорец-Такигава, Г. Ю. (2023). Интернет как политический институт. В Г. П. Отюцкий (Ред.), *Категории социально-гуманитарных наук: методологические проблемы* (с. 37–59). РГСУ.

Филиппов, В. Р. (2016). Международные отношения эпохи постмодерна. *Геополитический журнал*, 2(14), 15–22.

Хомякова, К. Л. (2020). Концепция глобального города в современной социологии. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 26(2), 94–110.

«Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад. (2024). Зиновьева Е. С., Цветкова Н. А. & Сидоренко Э. Л. МГИМО-Университет.

Цифровой поворот в международных отношениях: как новые технологии меняют мировую политику и науку о ней. (2023). Сучков, М. А., Воронцов, К. В., & Силаев, Н. Ю. МГИМО-Университет.

References

- Adorno, T. W., & Horkheimer, M. (1997). *Dialectic of enlightenment*. Verso.
- Ashley, R. (1989). Living on border lines: Man, poststructuralism, and war. In J. Der Derian & M. J. Shapiro (Eds.), *International/intertextual relations: The boundaries of knowledge and practice in world politics* (pp. 259–321). Lexington Books.
- Bijker, W. E., & Pinch, T. J. (1984). The social construction of facts and artifacts: Or how the sociology of science and the sociology of technology might benefit each other. *Social Studies of Science*, 14(3), 399–441.
- Carr, E. H. (1946). *The twenty years' crisis 1919–1939: An introduction to the study of international relations*. Macmillan.
- Digital Turn in International Relations: How New Technologies are Changing World Politics and its Science. (2023). Sychkov, M. A., Vorontsov, K. V., & Silaev, N. Yu. MGIMO-University. (In Russ).
- Filippov, V. R. (2016). International relations of the postmodern era. *Geopolitical Journal*, 2(14), 15–22. (In Russ).
- Hoffmann, M. J. (2003). Constructing a complex world: The frontiers of international relations theory and foreign policymaking. *Asian Journal of Political Science*, 11(2), 37–57. <https://doi.org/10.1080/02185370308434229>.
- Horkheimer, M. (1975). *Critical theory: Selected essays*. The Seabury Press.
- International Security in the Age of Artificial Intelligence. In Two Volumes. Volume 1. (2024). In M. V. Zakharova & A. I. Smirnova (Eds.). Aspekt Press. (In Russ).
- Keohane, R. O., & Nye, J. S. (Eds.). (1972). *Transnational relations and world politics*. Harvard University Press.
- Khomjakova, K. L. (2020). The concept of the global city in modern sociology. *Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 26(2), 94–110.
- Kissinger, H. A. (2022). *The age of AI and our human future* (K. Akhmetov, Trans.). Alpina PRO. (Original work published 2021) (In Russ).
- Korneeva, E., Salge, T. O., Teubner, T., & Antons, D. (2023). Tracing the legitimacy of artificial intelligence: A longitudinal analysis of media discourse. *Technological Forecasting and Social Change*, 192, 122567. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122567>.
- Kremer, J.-F., & Müller, B. (Eds.). (2016). *Cyberspace and international relations*. Springer.
- Lebedeva, M. M., & Zinovieva, E. S. (Eds.). (2025). *New technologies in world politics*. Aspekt Press. (In Russ).
- Marwala, T., & Hurwitz, E. (2017). *Artificial intelligence and economic theories: Skynet in the market*. Springer.

Mearsheimer, J. (2013). Structural realism. In T. Dunne, M. Kurki, & S. Smith (Eds.), *International relations theories: Discipline and diversity* (3rd ed., pp. 77–93). Oxford University Press.

Ndzendze, B., & Marwala, T. (2023). Artificial intelligence and international relations theories. Palgrave Macmillan.

Nikiporets-Takigawa, G. Yu. (2023). The Internet as a political institution. In G. P. Otyutsky (Ed.), *Categories of social sciences and humanities: Methodological problems* (pp. 37–59). RSSU. (In Russ).

Pain, K. (2017). World cities. In D. Richardson, N. Castree, M. F. Goodchild, A. Kobayashi, W. Liu, & R. A. Marston (Eds.), *The international encyclopedia of geography: People, the earth, environment, and technology*. Wiley Blackwell.

Schmidt, E., Work, R., Catz, S., Collins, K., Darby, J., Ford, K., Joshi, A., Liddell, M., Lynn, M., McKeon, B., Moore, M., Murray, R., Neuhauser, A., Ramos, G., Roper, A., Safavian, M., Sito, P., Traficonte, D., Allen, J. (2020). Final report: National security commission on artificial intelligence. National Security Commission on Artificial Intelligence. <https://www.nsc.gov/wp-content/uploads/2021/03/Full-Report-Digital-1.pdf>.

Shneiderman, B. (2022). Human-centered AI. Oxford University Press.

The "Digital Dimension" and Artificial Intelligence in the Service of Diplomacy: An Analytical Report. (2024). Zinovieva, E. S., Tsvetkova, N. A. & Sidorenko, E. L. MGIMO-University. (In Russ).

Vykhodets, R. S. (2022). Policies of the EAEU countries in the field of artificial intelligence. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 16(3), 106–117.

Walker, R. B. J. (1992). Inside/outside: International relations as political theory. Cambridge University Press.

Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, 46(2), 391–425.

Wendt, A. (1999). Social theory of international politics. Cambridge University Press.

Для цитирования: Баранов, Н. А. Искусственный интеллект как новый актер системы международных отношений: вызовы и перспективы / Н. А. Баранов // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 159–179. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-3-159-179.